

«Accade più in un'ora che in cent'anni»

«Порой за час случается больше, чем за сотню лет»

Итальянская пословица

«Чао, бамбина, синьорита!»

РАССКАЗ

Молодой итальянец ехал в соседнем купе. То, что он итальянец, выяснилось не сразу, но то, что он иностранец, было понятно с первого взгляда. «Ну, не выглядят так русские мужчины, хоть и майки вроде те же, а шорты даже ярче. Есть что-то неуловимое в лицах иностранцев, какая-то особая безмятежность что ли, а этот еще и хорош, как моя жизнь в юности, глазищи какие!», — думала Ольга, глядя на то, как бойкая девица разговаривает с ним языком жестов и мучительно вспоминаемых ею английских несложных фраз. «Си, си», — весело кивал итальянец, если ему удавалось что-то понять. С английским он, похоже, тоже не слишком дружил. Постоянно заглядывая в толстый разговорник, он с трудом выговаривал то английские, то русские слова и фразы. Было удивительно, как он отважился поехать один по незнакомой стране, да еще в плацкартном вагоне, половину которого занимали гости из «ближнего зарубежья». Часть этих «путешественников» тоже не понимали по-русски, но вместе им явно было спокойнее.

Ольга ехала одна, поездка ее нервировала.

«Люди путешествуют, а я?... Я опять к маме. А ведь так мечтала когда-то побывать в Италии. И что? И ничего. И ведь зарабатываю неплохо. Так нет же, каждый раз то одно, то другое, и всё откладываю свои мечты и желания на «потом».

А будет ли оно, это «потом»?... Юность... Италия...».

...Тогда в стране все с ума сходили по всему итальянскому. В кинотеатре шли «Приключения итальянцев в России», фильмы итальянских режиссеров тоже были в почете. В них Италия казалась сказочной страной — солнце, море, горы, необычные города — буйство красок и темперамента. Музыка итальянская лилась тогда из каждого советского окна. Они с девчонками тоже слушали пластинки, пили вино, ели пиццу и мечтали, мечтали. И неважно, что вино было дешевое болгарское, а пицца сооружалась с изрядной долей фантазии из теста, купленного в кулинарии, томатной пасты, дешевых сосисок да соленых бабушкиных огурцов. Сверху это все великолепие посыпалось тертыми плавлеными сырками, и ничего! Это сейчас пиццерии на каждом углу, а тогда кто пробовал итальянскую пиццу? И эта шла на «ура» у голодных студентов. Помнится, что она тогда влюбилась в певучий итальянский, раздобыла самоучитель, но больше учила слова и фразы, подпевая во все горло любимым певцам. «Лашате ми кантарио, кола китарай мано!», «Феличита». А еще популярна была наша песенка «Чао, бамбина, синьорита»...

За окном плыл однотонный неброский весенний пейзаж. Снег лежал еще клочками то там, то тут, мимо проплывали серые домишки и серые деревья.

«Да уж! У нас не Италия! Сибирь родимая».

Старенькая мать жила в другом городе, переезжать категорически отказывалась. Ольга хоть и ворчала на нее за это, в глубине души была рада вырваться иногда из привычного круговорота жизни и подумать о ней — этой самой жизни.

«Надо же! Как давно все это было. Мечты... Ладно, хоть по своей стране немного поездила в молодости... Как хорошо быть молодым и беззаботным. Собрался в момент и едешь, тягот пути не замечаешь, а сейчас раздражает все: запахи лапши, торчащие с полок голые пятки, чужой кашель, гомон, духота. Нет, так больше не поеду, вечно хватаю билет в последний момент, да еще в «плацкарт» этот дурацкий. Некоторые вон пиво берут через день, да каждый день... интересно, чем он сейчас занимается?»

«Кот из дома — мыши в пляс»...».

...Последнее время муж просто извел ее своими бесконечными «авралами» на работе и своим враньем. Ночевал он, правда, дома, но приходил поздно, частенько навеселе. А если приходил раньше, то обычно ворчал, придирался по мелочам, а потом, надев свой синий атласный халат, по-барски располагался на диване перед телевизором с пивом и орешками. В такие минуты Ольга начинала его тихо ненавидеть. «Кто этот лысеющий и почти незнакомый мужик? — думала она. — Неужели тот юный обаятельный лейтенант, за которого я вышла когда-то замуж? Хорошо, что сын на него не похож...».

При мысли о сыне Ольга снова расстроилась. Сын её женился и уже два года жил отдельно в квартире, доставшейся невестке по наследству. Невестку свою Ольга не то чтобы ненавидела, поначалу она даже пыталась её полюбить, но отношения не сложились. Ольгу всегда удивляли женщины, считающие, что им все должны. И ладно бы были это особы королевской крови, или избалованные с рождения дочери богатых родителей, или, скажем, красавицы необыкновенные. А тут ни красоты особой, ни ума, ни талантов, а вот должны ей и всё тут! Было жаль сына. Он крутился на двух работах, но денег вечно не хватало, претензий у

невестки было много, и Ольга частенько давала ему «в долг» без отдачи, конечно. Домашними хлопотами невестка не особо себя утруждала, хотя не работала.

— Что она делает целыми днями? — спросила она как-то у сына.

— Ты, мама, к ней пристрастна. Она старается, себя ищет, вон, на курсы флористов пошла, — улыбнулся он смущенно в ответ, и Ольге стало смешно и грустно.

Невестка без конца ходила на какие-то курсы. Положительного ничего в этом Ольга не видела, только трату очередной порции денег. Но сын был влюблен и вроде бы счастлив, и Ольга замолкала. Хуже всего было то, что и сын, её добрый славный мальчик, если раньше как-то переживал по поводу того, что приходится брать деньги у родителей, сейчас лишний раз и «спасибо» перестал говорить. Понятно, чья работа! Однажды она нечаянно подслушала их разговор на даче. Сын говорил что-то о неудобстве, а невестка парировала, что, мол, о ком им заботиться, раз он у них один, и вообще, мол, «не могли бы, так и не давали бы, а раз дают, значит, сами так хотят, и в пояс им за это кланяться» лично она не собирается.

Ольга была уверена с юности, что отдавать важнее, чем получать. Ей казалось естественным, что забота о других порождает ответную заботу. Но оказалось, что это не так! Отдавать можно сколько угодно, а взамен не получить ничего, и даже более того, полную неблагодарность. На глаза навернулись слезы.

«Всё! Хватит мысли гонять!» — решила Ольга. Она налила себе чай из походного термоса и уткнулась в газетку, купленную второпях на вокзале.

На очередной крупной станции бойкая девица вышла, итальянец загрустил. В купе зашла семейная пара: седой мужчина с мягкими манерами и тихим голосом и его молодящаяся блондинка-жена с распущенными, как у девушки, длинными волосами, с кучей серебряных браслетиков на руках, в кожаной куртке, джинсах и белых ботиночках. Пока они устраивались на своих местах, блондинка что-то не могла найти и беззлобно пару раз тихо ворчала на мужа, а он лишь ласково улыбался в ответ. Ольга видела, что это ворчание скорее для «соблюдения приличий», а на самом деле он ее не раздражает, живут они в гармонии и вполне понимают друг друга без слов. Ольга уткнулась в газету, но читать не получалось. Она поймала себя на мысли, что остро завидует влюбленности и безмятежности этой пары, что сама отвыкла от нежных случайных прикосновений, что она уже и не вспомнит, когда на нее смотрели с такой любовью. По долетающим до ее слуха обрывкам фраз Ольга вскоре поняла, что в браке пара недавно, и это как-то утешило.

«Конечно, поживите лет двадцать. И вообще, чего это я? Сижу, завидую. Глупости! У меня нормальный муж, просто давно вместе живем, да и смолоду он не любил нежности разводить. И сын у меня замечательный. И выгляжу я вполне еще, по крайней мере, на пару размеров меньше, чем эта блондинка. А ярко одеваться не люблю. Вот, правда, пальто новое надо было бы все же купить, а то мама опять ворчать начнет. Ну что делать, раз у сына машина сломалась, как нарочно, и деньги ему нужнее были».

Итальянец, тем временем, пытался что-то выяснить у толстой неприветливой проводницы, жестикулируя. Та тщетно пыталась его понять. Блондинка вдруг поспешила ему на помощь, заговорив по-итальянски. Позже она весь вечер сидела в купе в компании итальянца, негромко разговаривая с ним. Иногда блондинка обращалась к мужу, который читал книгу, переводя часть разговора, и Ольга поняла, что семейная пара не так давно побывала в Италии.

«Ну, надо же! Устроятся! На итальянском болтают, по «заграницам» летают... Да что это я, в самом деле?»

Ольга даже рассердилась сама на себя.

«Мне кто не давал языки учить? Учила же итальянский, сейчас, правда, вспомню едва ли. Ну и ладно! Зато карьеру сделала, многие завидуют. А язык? Пойду на курсы, если захочу, не все же невестке ходить. И съезжу куда захочу при желании... и вообще... останусь у мамы... брошу всё к чертовой матери...»

Ночью поезд убаюкивал её мерным стуком колес, но спала Ольга плохо и всё гоняла свои невеселые мысли, которые возвращались к ней, как надоедливые летние мухи. Рано утром семейная пара вышла, а Ольга еще несколько часов ехала одна, ощущая себя разбитой, старой, никому не нужной «кошелкой».

...Мать выглядела такой исхудавшей и бледненькой после гриппа, что Ольга вмиг забыла обо всем. Весь день она крутилась по дому, готовила, стирала, убирала огромную квартиру, несмотря на протесты матери. Вечером они сели, по обыкновению, на диванчик перед камином пить чай.

— И чего ты весь день надрывалась, спрашивается? Глафира недавно всё мыла. Наготовила вон, а у меня еще аппетита нет совсем, и кто это всё есть будет? Сама едва поклевала... Я, конечно, рада твоему приезду, но чего ты всполошилась? На каждый мой «чих» не наездишься... я думала ты летом... чтобы пожила подольше, а на три дня чего мотаться?

— Отпуск у меня только осенью по графику. Дома еще кухню за лето хочу отремонтировать, потом дача, заготовки... как бросишь? Так что смогу к тебе долго только осенью выбраться, потому сейчас и решила приехать...

— Да ладно тебе! В принципе, и осенью в отпуск съезди лучше куда-нибудь в теплые края, отдохни! Замотали мы тебя. Не нравится мне твой вид и настроение.

— А мне твой вид.

— Ой! — отмахнулась мать. — Я не об этом! Подумаешь, поболела гриппом. Медленно, но восстановлюсь. И, вообще, чего мне уже хорошо выглядеть? Я пожила и немало. По миру поездила, отца твоего безумно любила, вниманием обделена никогда не была. А ты вот чего? Работа, «ремонт, рассада», — передразнила она Ольгу. — Тебе лет-то сколько? Где маникюр? Что за прическа? Что за пальто допотопное? Ведь не самые бедные.

— Ну что ты, мама! Нормальная прическа! А пальто... Не успела просто. Маникюр-педикюр, не это же в жизни главное!

— А что? Что главное в твоей жизни? Я знаю, что может лучше иногда и промолчать, но я твоя мать, и ты мне безразлична.

Поэтому я и говорю, что наболело, а уж как поступать — твое дело. Ты знаешь... я ведь не зануда, в чужие дела обычно не лезу, советов не даю, сама их не слушала никогда. Наверное, я виновата, что ты у меня такая совестливая, но я честно не знаю, как так получилось... Я-то по жизни больше эгоисткой была. А ты всем должна — мне, мужу, сыночку. Кому еще? Стране, бухгалтерии своей. А себе-то ты ничего не должна? Вот на невестку удивляешься и сердишься, оно понятно, сын-то твой. А ведь если так, не предвзято, то она — молодец! Живет, как ей хочется, а ей от мужа любовь, уважение, а тебе что за заботу? Труды-то твои кто оценил? Только свекровка, Царство ей Небесное, тебя нахваливала. Потому как знала, какое сокровище вырастила да тебе спихнула. Твой все, поди, толстеет да врет?... Да... вот уж кто живет, как ему удобно. Ты уж прости, да мне кажется, что он сто раз бы уже ушел, найдись вариант лучше, да нет, видно, таких дурочек больше. А ведь ты такая шустрая была, сколько талантов у тебя... Замуж вышла, как съела что. У многих семьи, и ничего — себя не забывают.

Спорить Ольге не хотелось, она ужасно устала, поэтому вяло возразила:

— Ну что делать, мама? Сложилось у меня так, у других по-другому.

— Ладно, не обижайся на меня! Я очень рада, что ты приехала, и благодарна тебе за это, но такое зло берет иногда, когда на жизнь твою посмотрю. Если нравится тебе твоя жизнь — живи, только я не думаю, что это так. Взгляд усталый, потухший, вся как лошадка заезженная. А ведь лет тебе всего ничего, я в твои годы... — Она задумалась, потом улыбнулась. — Весело жила, короче говоря.

— Mam! А о переезде не подумала? Квартиру подберу рядом отличную, на дачу ездить будем на машине, там воздух, ягоды.

— О, господи! Да не люблю я дачи эти, ты же знаешь. Свою продала и не жалею. Чего мне там делать? Ты выросла, уехала, папы не стало. И ты там не упирайся, с голоду не помрут без твоих грядок. Одно дело в шезлонге загорать да цветочками любоваться, а другое — на грядках спину гнуть. Ты, прости, конечно, мотаешься вот ко мне. Но я не поеду, ты же знаешь. Куда я из нашей квартиры? Из нашего города? Глафира помогает... уж если только совсем свалюсь...

— Не надо, мама! Я понимаю, я все понимаю. Расскажи мне лучше о тете Глаше, как у неё сын-то сейчас?

...Следующие два дня пролетели незаметно, неприятных тем они обе старательно избегали. На вокзал Ольга поехала на такси.

В горле стоял комок, слезы кипели в глазах, но плакать при посторонних ей всегда было неудобно. Мать бодрилась перед ее отъездом, но ее сухонькая одинокая фигурка так и стояла перед глазами. Было жалко ее, и себя, и сына, и даже мужа. Хоть и распускает хвост перед молодыми женщинами, пытается еще самоутвердиться, а ведь все равно стареет, боится что-то менять.

Так, упиваясь жалостью ко всем, она вышла на перрон. Поезд уже стоял, ожидая отправления. Впереди вновь ждала вагонная тряска, дом, работа, дача. Ольга вспомнила, как на этом перроне три дня назад она взглянула в окна отходящего поезда.

Молоденький итальянец смотрел на перрон и, встретив ее взгляд, вдруг улыбнулся ей хорошей доброй такой улыбкой.

Он был хозяином своей жизни, он ехал один по чужой и дикой для него стране, не зная языка и обычаев, наверное, чего-то боялся, но ехал!

«А я? Я-то когда стала всего бояться?»

Промелькнувшая три дня назад шальная мысль показалось вполне реальной. Решение созрело мгновенно, и оно было таким простым!

«Даже не позвонили ни разу, как ты, мол, там? Значит, не очень нуждаются. Останусь здесь! Это мой родной город. А что такого, в конце концов? Сын взрослый и под бдительным «оком» жены. Загребую отпуск, здесь за месяц работу найду с моим- то опытом... в общем, видно будет... В Италию съезжу! Обязательно! Должны же мечты сбываться! Муж? Посмотрим!

Возьму вот и влюблюсь в итальянца, перекрашусь в блондинку. Они блондинок любят. Да... представляю, как он разозлится.

Начнет орать, командовать, мол, глупости бросай! Ничего... придумаю, что сказать. В конце концов, у меня мама больная, нуждается в помощи. Кто что возразит? С его мамой сколько возилась? А на даче... пусть невестка загорает. Может без меня чаще ездить будут. А если что, вернуться всегда можно...».

Предательская эта мысль скользнула в голову, но Ольга представила изумленное лицо матери, когда она вновь увидит ее на пороге квартиры. «Вот тебе и «чао, бамбино!» Решительно подхватив сумку, она пошла от вагона в сторону вокзала, к двери с волшебным словом «Выход».